

Научная статья
УДК 811.112
DOI: 10.14529/ling240211

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

И.И. Сиваева, ilusa-5@yandex.ru
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. Настоящее исследование, выполненное в русле коммуникативно-прагматического направления, посвящено изучению коммуникативных стратегий, которые используются в дискурсе американской цифровой дипломатии и их лингвистической реализации. Глобальная цифровизация не обошла стороной и такой консервативный институт, как публичная дипломатия, трансформировав ее в цифровую дипломатию. На основе анализа научных работ и полученных в ходе исследования результатов выявляется закономерность использования речевых стратегий и тактик. В частности, отмечается, что наиболее типичными для американской цифровой дипломатии стратегиями являются информационная стратегия и стратегия оценивания. В ходе исследования было выявлено, что для институционального дискурса характерно использование информационных стратегий.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, коммуникативные стратегии и тактики, социальные сети, твитплатформа, институциональный дискурс, персонализированный дискурс

Для цитирования: Сиваева И.И. Реализация коммуникативных стратегий в дискурсе американской цифровой дипломатии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2024. Т. 21, № 2. С. 80–85. DOI: 10.14529/ling240211

Original article
DOI: 10.14529/ling240211

REALIZATION OF COMMUNICATIVE STRATEGIES IN DISCOURSE OF AMERICAN DIGITAL DIPLOMACY

I.I. Sivaeva, ilusa-5@yandex.ru
Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Annotation. This study examines communicative strategies used in the discourse of American digital diplomacy and their linguistic features. Global digitalization did not leave aside such a conservative institution as public diplomacy, transforming it into digital diplomacy. Based on the analysis of scientific works and the results obtained during the research, the regularity in the use of speech strategies and tactics is revealed. In particular, the study found that the most typical strategies for American digital diplomacy are information strategy and evaluation strategy. The study also found that institutional discourse is characterized by the use of information strategies.

Keywords: digital diplomacy, communicative strategies and tactics, social networks, twiplomacy, discourse

For citation: Sivaeva I.I. Realization of communicative strategies in discourse of American digital diplomacy. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2024;21(2):80–85. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling240211

Научно-технический прогресс и его выдающиеся достижения нашли свое отражение во многих сферах деятельности человека. Языкознание в общем и теория коммуникации в частности не стали исключением. Так, за последние несколько лет под влиянием технологических новшеств само понятие «коммуникация» претерпела значительные изменения. Сегодня одним из способов доведения информации до реципиента является Интернет как при обыденном общении, так и в профессиональном. Данные изменения не обошли стороной и публичную дипломатию, которая еще полвека назад представляла собой явление закрытого типа с небольшим количеством действующих лиц, в котором общество играло маловажную роль. Дипломатический дискурс, в свою очередь, в основном был представлен коммуникацией дипломатических институтов различных государств в виде текстовых документов (личные ноты, меморандумы и др.) [2, 3]. Роль доведения информации до внимания общественности была возложена на средства массовой информации. С появлением Интернета и его развития дипломатический дискурс стал более открытым и доступным для всего общества. Понятие *цифровая дипломатия* или *Web 2.0 дипломатия* изначально использовалось для определения публичной дипломатии США, направленной на решение межправительственных задач при помощи цифровых инструментов. Однако со временем многочисленные функциональные возможности и доступность социальных сетей привели к тому, что вышеуказанное понятие стало употребляться для описания любого вида дипломатической деятельности в режиме онлайн. Так, в социальных сетях стали появляться личные аккаунты различных дипломатических деятелей, а также аккаунты внешнеполитических институтов государств. Наибольшую популярность среди внешнеполитических деятелей благодаря своему понятному интерфейсу и обширному функционалу получила социальная сеть Twitter¹. Отсюда и произошло еще одно название цифровой дипломатии «Twiplomacy» – твитпломатия. Социальные сети предоставляют дипломатическим деятелям прямую линию связи с общественностью, позволяя им делиться своими сообщениями и взаимодействовать с другими пользователями данных платформ в режиме реального времени. К неоспоримым преимуществам работы в Twitter² следует отнести следующее:

- 1) быстрое создание и редактирование информативных сообщений;
- 2) мгновенная реакция на отправленные сообщения, общение с аудиторией в режиме нон-стоп;

¹ Соцсеть Twitter была заблокирована в России решением Роскомнадзора 4 марта 2022 года по требованию Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года.

² То же.

- 3) легкость в работе с контентом;
- 4) доступ к платформе 24/7 из любой точки мира;
- 5) хранение и передача больших объемов информации без помощи электронных носителей.

Однако стоит также отметить, что подобные трансформации в дипломатии приводят не только к популяризации дипломатии среди социума, но и в некоторых случаях к нарушению традиционных канонов ведения внешнеполитической деятельности, которым следовали веками. Так, М. Симуньяк и А. Калиандро в своем исследовании, посвященном изучению цифровой дипломатии в период президентства Д. Трампа, прославившегося активным ведением своего аккаунта в социальной сети, отмечают, что 45-й президент США «нарушает всевозможные правила дипломатического кодекса» [9]. Риторика экс-президента США отличается агрессивностью, излишней экспрессивностью и прямолинейностью. Однако исследователи также обращают внимание на то, что приемы ведения дипломатической коммуникации Д. Трампа не являются распространенными и говорить о появлении нового свода дипломатических правил не приходится. «Твитпломатия едва ли можно рассматривать как замену традиционной публичной дипломатии. Скорее, она направлена на повышение эффективности и интегрированности дипломатических деятелей в процесс коммуникации с аудиторией» [10]. Согласно данным сайта Twiplomacy, организации, занимающейся изучением и анализом развития цифровой дипломатии в социальных сетях, на 2020 год в социальных сетях были зарегистрированы аккаунты 163 глав государств и личные страницы 132 министров иностранных дел [12]. Наряду с периодом зарождения цифровой дипломатии многие исследователи отмечают важность роли, которую сыграла пандемия коронавируса. «Covid-19 полностью изменил дипломатию, сферу, которая всегда ассоциировалась с многочисленными поездками дипломатических деятелей по миру и очными встречами. Традиционная работа дипломатов резко прервалась из-за введенных антиковидных ограничений. И им пришлось адаптироваться к новым реалиям профессии. Дипломатия стала в прямом смысле этого слова цифровой» [12].

Ярким примером реализации цифровой дипломатии является официальный сайт американского внешнеполитического института³. В нем размещаются последние новости о поездках дипломатических представителей, текстовые версии брифингов до и после переговоров, различного вида пресс-релизы и т. д. Также портал предоставляет возможность смотреть официальные встречи дипломатических представителей в режиме онлайн.

³ Official website of Department of State <https://www.state.gov>

Научная новизна исследования обуславливается тем, что в ней уточняются коммуникативные стратегии, используемые американскими внешнеполитическими деятелями в дискурсе цифровой дипломатии, определяются способы формирования внешнеполитического пространства для решения внешнеполитических задач.

В своей работе мы преследуем цель выявить и исследовать речевые стратегии, которые используют американские дипломаты в рамках официального портала государственного департамента США. Достижение поставленной цели обуславливает использование таких методов, как описательный (наблюдение, интерпретация, обобщение), прагмалингвистический, контекстуальный, дискурс-анализ. В своей работе в качестве материала исследования мы использовали тексты с сайта госдепа, опубликованные в период с января по июнь 2023 г.

В современной науке изучение речевых стратегий в дипломатическом дискурсе входит в круг интересов таких ученых-лингвистов, как О.С. Иссерс [5], Х. Трабелси [11], Т.А. Волкова [4], Н.В. Новиков [8], Л.А. Кауфова [7].

Главным орудием ведения внешнеполитической деятельности в рамках такого коммуникативного пространства, как цифровая дипломатия являются коммуникативные стратегии. Вслед за О. Иссерс в данном исследовании мы определяем коммуникативные стратегии как «совокупность речевых действий, направленных на решение коммуникативных задач говорящего» [5]. На процесс реализации речевых стратегий влияют внешние факторы, сама ситуация коммуникации и личные характеристики адресанта. Как верно отметила О. Иссерс в своем исследовании, посвященном коммуникативным стратегиям, «коммуникация – это всегда стратегический процесс, основой которого является выбор оптимальных для языковых ресурсов» [5], коими и являются речевые стратегии.

Изучив полученный материал, мы пришли к выводу, что в институциональном дискурсе американском цифровой дипломатии наиболее часто встречаются такие речевые стратегии, как информационная и оценочная. Использование информационной стратегии нацелено на донесение данных и фактов до общественности без выражения отношения к ним со стороны говорящего. Рассмотрим реализацию данной стратегии на примере текстов с официального портала государственного департамента США. Так, на официальном сайте государственного департамента США были выявлены сообщения, носящие безоценочный информативный характер:

Secretary of State Antony J. Blinken spoke today with Moroccan Foreign Minister Nasser Bourita on shared priorities in the bilateral relationship and efforts to advance regional stability. Secretary Blinken also discussed his recent travel and engagements with Egyptian, Israeli, and Palestinian leaders, during

which he called for deescalation and an end to the cycle of violence. The Secretary commended the Foreign Minister for Morocco's commitment to promoting peace and security in the region, including through Morocco's participation in the Negev Forum. – Государственный секретарь США Энтони Блинкен сегодня обсудил с министром иностранных дел Марокко Насером Буритой общие приоритеты в двусторонних отношениях и усилия по укреплению региональной стабильности. Госсекретарь также обсудил свои недавние поездки и встречи с египетскими, израильскими и палестинскими лидерами, в ходе которых он призвал к деэскалации ситуации. Госсекретарь высоко оценил приверженность министра иностранных дел Марокко делу укрепления мира и безопасности в регионе, в том числе благодаря участию Марокко в Форуме Негева.

Secretary of State Antony J. Blinken met with Defense Minister Yoav Gallant today in Jerusalem. In their first meeting since Defense Minister Gallant assumed his role, they discussed the enduring U.S. commitment to Israel's security and the strength of the U.S. – Israel bilateral relationship. – Государственный секретарь США Энтони Блинкен встретился сегодня в Иерусалиме с министром обороны Йоавом Галлантом. В ходе первой встречи после вступления министра обороны Галланта в должность они обсудили неизменную приверженность США безопасности Израиля и прочность двусторонних отношений между двумя странами.

Приведенные выше примеры носят сугубо информационный характер, они никак не выражают отношения говорящего к описываемым событиям или действующим лицам и представляют собой информационные дипломатические сообщения, адресованные широкой общественности.

Большинство проанализированных нами сообщений с официального сайта внешнеполитического института США носят информационный характер. Это можно объяснить тем фактом, что подобные порталы дипломатических ведомств являются яркими примерами институционального дискурса, которому не свойственны излишняя эмоциональность, экспрессивность и открытая критика.

В проанализированных нами текстах мы также выявили примеры использования бинарной оппозиции «свой – чужой», которая используется дипломатическими деятелями в целях информирования населения о политических и дипломатических предпочтениях государства, которое они представляют. «Оппозиция «свой – чужой» представляет собой ценностную шкалу, по которой можно судить о нормах и ценностях, принятых в определенном обществе или коллективе людей, объединенных по какому-либо признаку. Отнесение объекта или явления к «своему» или «чужому» предполагает процесс оценивания данного объекта, соотнесения его внешних характеристик или

его поведенческой модели, а также норм и ценностей с нормами и ценностями, бытующими в данном социуме» [1]. Так, выше приведенные примеры ярко показывают, что отмеченные в них страны входят в список стран-союзников США. К «чужим» чаще всего относятся такие страны, как Россия, Китай, Иран, КНДР, Беларусь. Риторика в отношении данных стран кардинально меняется и становится более жесткой и экспрессивной.

In my call today with Director Wang Yi, I made clear that the presence of this surveillance balloon in U.S. airspace is a clear violation of U.S. sovereignty and international law, that it's an irresponsible act, and that the PRC's decision to take this action on the eve of my planned visit is detrimental to the substantive discussions that we were prepared to have. – В ходе сегодняшнего разговора с господином Ван И я ясно дал понять, что присутствие аэростата наблюдения в воздушном пространстве США является явным нарушением суверенитета США и международного права, что это безответственный поступок и что решение КНР предпринять эти действия накануне моего запланированного визита наносит ущерб предметным дискуссиям, которые мы были готовы провести.

We remain committed to sustaining our security assistance to Ukraine as it defends its people against Russia's brutal attacks, like the one we saw just this weekend on an apartment building in Dnipro on Saturday – far from the front lines. The senseless attack was launched from a missile designed to sink ships and killed dozens of people, wounded scores more. – Мы по-прежнему готовы продолжать оказывать Украине помощь в обеспечении безопасности, пока она защищает свой народ от жестоких атак России, подобных той, которую мы наблюдали в субботу в Днепре – вдали от линии фронта. Бессмысленная атака была совершена с помощью ракеты, предназначенной для потопления кораблей, в результате которой погибли десятки людей и еще десятки получили ранения.

В данных примерах четко прослеживается отношение дипломата к происходящим событиям и действующим лицам. Автор не только информирует общественность о планах действия своей страны, но и открыто заявляет о своей позиции по данным вопросам, тем самым формируя у своей аудитории определенное, в данном случае негативное отношение к вышеотмеченным странам. Данные приемы характерны для оценочной стратегии, целью которой является выработать у аудитории оценочное отношение к описываемым событиям и действующим в них лицам. Видами реализации оценочной стратегии являются тактика диффамации и тактика позитивной репрезентации. С точки зрения юридической науки под диффамацией принято понимать распространение ложных сведений, порочащих честь и достоинство человека, что во многих странах является противозаконным. В.И. Карасик предлагает считать диффамацию

в лингвистической науке «публичным распространением информации, наносящей ущерб публичному лицу путем обнародования тех или иных фактов, связанных с этим лицом» [6].

Рассмотрим реализацию тактики диффамации на следующих примерах:

We will not stand by as this regime continues to harass and repress peaceful protesters, the democratic opposition, journalists, unionists, activists, human rights defenders, and everyday Belarusians. Those regime officials targeted in today's action include members of the National Assembly of Belarus for their role in passing legislation to authorize the death penalty for persons convicted of supposed "attempted acts of terrorism," a charge used to repress and intimidate the democratic opposition and civil society. – Мы не будем закрывать глаза на то, как этот режим продолжает преследовать и репрессировать мирных демонстрантов, демократическую оппозицию, журналистов, профсоюзных деятелей, активистов, правозащитников и простых белорусов. Среди должностных лиц режима, против которых направлена сегодняшняя акция, – депутаты Национального собрания Беларуси за их роль в принятии закона, санкционирующего смертную казнь для лиц, осужденных за предполагаемые «попытки террористических актов», – обвинение, используемое для подавления и запугивания демократической оппозиции и гражданского общества. В данном сообщении адресант апеллирует к таким традиционно важным для американской лингвокультуры понятиям, как «свобода» и «права человека». Факт нарушения прав человека в какой-либо стране вызывает негативные ассоциации у аудитории и ведет к формированию отрицательного отношения к данному государству.

Наряду с тактикой диффамации в цифровом дипломатическом дискурсе США была обнаружена и тактика позитивной репрезентации, целью которой является создание положительного образа об объекте у реципиента. Одним из примеров реализации данной тактики может послужить следующее сообщение, в котором адресант выражает соболезнования в связи с крушением вертолета на Украине. *I was deeply saddened to hear this morning's terrible news from Brovary, Ukraine. On behalf of the United States, I offer my sincere condolences to the family and loved ones of all of those killed in the helicopter crash, including our friends Minister of Internal Affairs Denys Monastyrsky, First Deputy Minister Yevhen Yenin, and State Secretary Yuri Lubkovych. We mourn these heartbreaking deaths, a tragic loss beyond words. – Я был глубоко опечален ужасной новостью из Броваров, Украина. От имени Соединенных Штатов я выражаю искренние соболезнования семье и близким всех погибших в результате крушения вертолета, включая наших друзей – министра внутренних дел Дениса Монастырского, первого*

заместителя министра Евгения Енина и государственного секретаря Юрия Лубковича. Мы скорбим об этой утрате.

Эта же тактика реализована и в следующем сообщении:

On behalf of the United States, I express our deepest condolences to the families of the deceased and wish those injured a full recovery. We are in close contact with our Israeli partners and reaffirm our unwavering commitment to Israel's security. – От имени Соединенных Штатов я выражаю глубочайшие соболезнования семьям погибших и желаю пострадавшим полного выздоровления. Мы находимся в тесном контакте с нашими израильскими партнерами и подтверждаем нашу неизменную приверженность безопасности Израиля. В данном случае, выражая соболезнования от имени граждан своей страны, Э. Блинкен использует притяжательное местоимение *our*, чтобы подчеркнуть включенность и единение с народом, столкнувшимся с бедой.

В цифровом дипломатическом дискурсе нередко встречаются сообщения, носящие поздравительный характер. На официальном портале внешнеполитического ведомства США нами были выявлены поздравления США в честь национальных дней дружественных стран, дней независимости. Так, одним из примеров может служить следующее сообщение: *On behalf of the United States of America, I congratulate the people of Estonia as you celebrate your independence on February 24. For more than 100 years, the close partnership and alliance between the United States and Estonia has been grounded in our commitment to democratic*

values, determination to uphold the sovereignty and territorial integrity of states, and resolve to expand economic opportunity. I look forward to a shared future that will benefit our citizens and further expand our vibrant people-to-people ties. В сообщении, обращенном к народу Эстонии, Энтони Блинкен использует прием позитивной репрезентации. Используя личное местоимение *I*, адресант не только выражает точку зрения страны, которую представляет, но и акцентирует свою причастность. Данный прием направлен на демонстрацию тесных культурных и дипломатических связей двух государств.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что в цифровом дипломатическом дискурсе США реализуются как информационные стратегии, освещающие события в нейтральных тонах, так и оценочные стратегии, нацеленные на формирование особого восприятия и мнения об освещаемых событиях и действующих в них лицах. Также стоит отметить, что институциональный дискурс цифровой дипломатии отличается менее экспрессивной риторикой, что объясняется тем фактом, что его основной целью является безэмоциональное информирование аудитории о событиях в мире и роли данной страны в этих событиях. Данные цели достигаются при помощи использования различных тактик в рамках информационной и оценочной стратегии. Перспективным представляется изучение данных коммуникативных стратегий в цифровом дипломатическом дискурсе в русле набирающего популярность раздела языкознания эколлингвистики.

Список литературы

1. Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: МГИМО, 2013. 28 с.
2. Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации: практикум. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток-Запад, 2008. 316 с.
3. Викулова Л.Г. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15, № 3. С. 54–56.
4. Волкова Т.А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков: дис... канд. филол. наук: 10.02.20. Челябинск, 2007. 231 с.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
6. Карасик В.И. Диффамация в медийно-сетевом дискурсе // Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: Сборник научных работ по итогам Международной научной конференции, Москва, 05–06 октября 2021 года. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. 2022. С. 179–188.
7. Кауфова И.Б. Коммуникативные информационные стратегии цифровой дипломатии Великобритании // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 5. С. 178–192.
8. Новиков Н.В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии: дис... канд. филол. наук: 10.02.19. М.: МГПУ, 2017. 180 с.
9. Simunjak M. Twiplomacy in the age of Donald Trump: Is the diplomatic code changing? // The Information Society. 2019. № 35 (1). pp. 13–25.
10. Sandre A. Digital Diplomacy: Conversations on Innovation in Foreign Policy. New York: Rowman & Littlefield, 2015. 332 p.

11. Трабелси Х. Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса: дис.... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2013. 202 с.

12. <https://www.twiplomacy.com> [Электронный ресурс] URL: <https://www.twiplomacy.com/twiplomacy-study-2020> (дата обращения 10.12.2023).

References

1. Alieva T.V. *Yazykovye sredstva realizatsii kontseptual'noi oppozitsii "svoi – chuzhoi" v britanskom politicheskom diskurse*: avtoref. dis... kand. filol. nauk [Linguistic means of implementation of conceptual opposition 'friend of foe' in UK political discourse]. Moscow: MGIMO, 2013. 28 p.

2. Vikulova L.G. *Osnovy teorii kommunikatsii: praktikum* [The basics of communication theory:practicum]. Moscow: АСТ Vostok-Zapad, 2008. 316 p.

3. Vikulova L.G, Makarova I.V., Novikov N.V. Institutional discourse of digital diplomacy: new communicative practices. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2016, vol. 15, no. 3, pp. 54–56.

4. Volkova T.A. *Diplomaticheskii diskurs v aspekte strategichnosti perevoda i kommunikatsii: na materiale angliiskogo i russkogo yazykov: dis... kand. filol. nauk* [Diplomatic discourse in terms of translation and communication strategy: on the material of the English and Russian language]; Chelyabinsk, 2007. 231 p.

5. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies of the Russian language]. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008. 288 p.

6. Karasik, V.I. Diffamatsiya v mediino-setevom diskurse [Deffamation in mass-media and network discourse] *Fundamental'naya lingvistika i problemy sudebnoi ekspertizy: sotsial'nye seti kak ob"ekt nauchnogo i ekspertnogo analiza: Sbornik nauchnykh работ po itogam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Moskva, 05–06 oktyabrya 2021) [Fundamental linguistics and problems of forensic experiment: Proceedings of international Scientific Conference (Moscow, Russia, October, 5–6, 2021)]. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute, 2022, pp. 179–188.

7. Kaufova I.B., Kaufova L.A. [Communicative information strategies in UK digital diplomacy]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Issues]. 2020, vol. 12, no. 5, pp. 178–192. (in Russ.)

8. Novikov N.V. *Kommunikativnye strategii tsifrovoi diplomatii: dis... kand. filol. nauk* [Communicative strategies of digital diplomacy]. Moscow: MGPU, 2017. 180 p.

9. Simunjak M.A. Caliendo Twiplomacy in the age of Donald Trump: Is the diplomatic code changing? *The Information Society*. 2019. vol. 35 (1), pp. 13–25.

10. Sandre A. *Digital Diplomacy: Conversations on Innovation in Foreign Policy*. New York: Rowman & Littlefield, 2015. 332 p.

11. Trabelsi Kh. *Lingvokommunikativnyi analiz diplomaticheskogo diskursa: dis... kand. filol. nauk* [Lingvo-communicative analysis of diplomatic discourse. Cand. sci. dis.]. Moscow: Gos. in-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, 2013. 202 p.

12. <https://www.twiplomacy.com> URL: <https://www.twiplomacy.com/twiplomacy-study-2020> (accessed: 10.12.2023).

Информация об авторе

Сиваева Илюса Искандаровна, ассистент кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; ilusa-5@yandex.ru

Information about author

Ilyusa I. Sivaeva, assistant of the Department of Practice and Theory of Translation, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia; ilusa-5@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2023.

The article was submitted 07.04.2023.